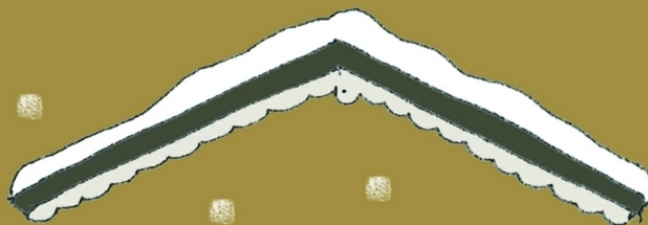
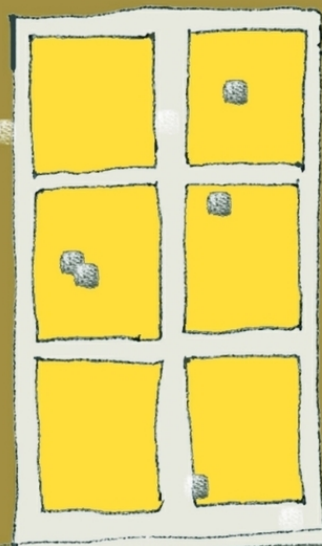

Сергей
Прокопьев

16+

**ПАРАДНАЯ
НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ**

СЕРГЕЙ ПРОКОПЬЕВ
Парадная на улице Гоголя

«ЛитРес: Самиздат»

2016

ПРОКОПЬЕВ С. Н.

Парадная на улице Гоголя / С. Н. ПРОКОПЬЕВ — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Может ли дом быть героем повествования? А почему бы нет. Само собой, с обитателями – душой жилища. Давно замечено, дому стоять бы да стоять, да покинули его жильцы, и куда девалась былая крепость стен: стремительно начинает дом ветшать и стариться – душа ушла. Герои повести – жильцы многоквартирного дома, точнее одного подъезда, который они называют парадной. Повесть написана в весёлых тонах с любовью к её персонажам.

© ПРОКОПЬЕВ С. Н., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Сергей Прокопьев	5
Два слова в качестве предисловия	6
Прокурор и его тёща	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Прокопьев
ПАРАДНАЯ НА УЛИЦЕ ГОГОЛЯ
Повесть

*Надо любить всех, но если это не под силу,
хотя бы надо желать всем добра.*
Преподобный Гавриил (Ургебадзе)

Два слова в качестве предисловия

Жизнь меняется на глазах. Каких-то лет пять назад хороший знакомый при встрече на улице подаст руку, пожелает здоровья, скажет добрые слова. Ты с радостью ответишь тем же. Сегодня тот же знакомый из уважения к тебе освободит ухо от наушника, дабы услышать твоё «здравствуй». Если степень уважения сравнима с той, которая раньше подвигала его снимать в поклоне шляпу или другой головной убор, сегодня он вытащит из ушей оба наушника. Дескать, для вас готов на всё.

Стремительно меняется жизнь, изменяются люди, обновляют лики города, меняются дома.

Может ли дом быть героем повествования? А почему бы нет. Само собой, с обитателями – душой жилища. Давно замечено, дому стоять бы да стоять, да покинули его жильцы, и куда девалась былая крепость стен: стремительно начинает дом ветшать и стариться – душа ушла.

Герой нашего повествования полвека стоит под порывами ветров, потоками дождей, завихрениями снега и ласковыми лучами солнца. Высоко над ним проходят циклоны и антициклоны, движутся воздушные потоки, несущие тепло и холод. Весной радуется он травке на газонах под его стенами, ароматом персидской сирени, тут же произрастающей. Осенью любит пламенеющей рябиной, что заглядывает в окна первого этажа.

Век дома длиннее человеческого, и всё же пятьдесят лет даже для кирпичного строения не юношеский возраст, а тот, когда есть что вспомнить и подвести какие-то итоги.

Рисуя портрет дома, следует сказать, что он о четырёх стенах, четырёх этажах под четырёхскатной крышей. Два подъезда по шестнадцать квартир. Петербуржцы не употребляют термин «подъезд», они говорят «парадная». В женском роде. Остановимся на этом варианте. Причём повествование будет сосредоточено на первой парадной.

Следует дать пояснение, почему вдруг мы обратились к лексикону петербуржцев. Наш дом не состоит в реестре жилья славного Санкт-Петербурга и всё же находится поблизости от второй столицы нашего государства, посему влияние мегаполиса чувствуется. Находится дом в городе под названием Городок. Имя самое точное. Не город в полном смысле этого слова, но и не посёлок сельского типа. С Санкт-Петербургом его роднит факт – оба стоят на Неве. Не ищите название нашего населённого пункта на карте, у автора своя география.

Городок возник благодаря строительству крупнейшей на северо-западе советского государства ГРЭС – тепловой электростанции.

Местность в округе богата стратегическим сырьём – торфом. В индустриальные тридцатые годы XX века начали строить ГРЭС, заодно и Городок. На заре советской власти имелся план развития электрификации России – ГОЭЛРО, по которому страна создавала свою энергосистему. Строились гидроэлектростанции (к примеру, Днепрогэс) и тепловые на угле или торфе. С рекой понятно: энергия воды крутит турбину, та даёт электричество. Уголь добывают в шахтах или карьерах, а затем энергия, выделяемая при его горении, превращается в электричество. Торф тоже надо добыть, прежде чем сжечь. Для этого создавались так называемые торфопредприятия.

Автору попала в Интернете цитата:

«Первыми начинали работать так называемые карьерщицы. Торф образовывался в течение многих тысяч лет за счёт разложения водной растительности в водоёмах без доступа воздуха. Поэтому в нём имелись неперегнившие остатки крупных деревьев – коряги. Если такая коряга попадала в насос, он ломался. Чтобы предотвратить поломки, карьерщица ползала в торфяной жиже, по пояс и выше, оттаскивая коряги в сторону. Это был поистине адский труд. Торфосезон начинался во второй половине апреля, земля ещё не оттаивала, и карьерщице приходилось работать в воде, перемешанной с ледяным крошевом. На ней был

непромокаемый костюм, но, как обычно, всё, что не должно промокать, практически всегда промокает. Через два-три часа непрерывной работы девушка вылезала из карьера с распухшими руками, насквозь продрогшая и смертельно уставшая. Для согрева карьерщицам полагалось некоторое количество водки, но водка передавалась через бригадиров-мужиков, которые не могли выпустить из рук этот драгоценный напиток и выпивали его сами».

Старожилы нашего дома так или иначе были связаны с ГРЭС. Кое-кто из женщин познал на себе труд карьерщиц.

Дом строился в шестидесятые годы XX века. В архитектуре Советского Союза в те времена господствовал стиль, неофициально именовавшийся «хрущёвским». Его разработчикам удалось успешно реализовать идею совмещения туалета с ванной, однако совместить кухню с туалетом, а потолок с полом не получилось. Но кое-чего добились, особенно в панельных домах. Нашему герою повезло, он сооружался из кирпича, кухни изначально оснащались печами на дровах или угле для приготовления борщей и других питательных блюд, посему требовали кое-какой площади.

Один из парадоксов советской экономики. Дом стоял рядом с гигантом электроэнергетики, казалось бы, почему не оснастить его электроплитами. Экологично, экономично, эстетично. Нет, электричество использовали в государственном масштабе, прежде всего, нацеливали его энергию на нужды индустрии – на фабрики и заводы. Лишь в конце восьмидесятых годов XX века печи упразднили и провели газ. Ушлые жильцы извлекли житейскую выгоду из нововведения – оборудовали квартиры настоящими, как на островах туманного Альбиона, каминами. Местные умельцы делали их за смешные деньги. В доме имелось главное для оснащения квартир каминами – надёжные, проверенные десятилетиями эксплуатации дымоходы. Кто-то шёл дальше в модернизации квартиры – убирал стену, отделяющую кухню от комнаты, получалась отличная гостиная. Заметьте – с камином!

Стоит дом на улице Гоголя. Великий писатель не имел никакого отношения к данной местности. Есть предположение, чиновник, который ввёл в топонимику населённого пункта Николая Васильевича, делал это из соображения, а вдруг автор «Невского проспекта» мистическим образом поможет Городку обрести свой Невский проспект. Почему бы нет, рассуждал, ведь Нева от улицы, носящей имя великого писателя, отстоит не намного дальше, чем в Питере от знаменитого проспекта.

Пока мистического влияния Гоголя на обретение Городком черт Питера не наблюдается, дело с Невским проспектом застопорилось.

Нам печалиться по данному поводу некогда, пора начинать повествование о доме по Гоголя, 15. Рассказ коснётся целого ряда квартир интересующей нас парадной, а стартовать будем с «нехорошей». Вовсе не от того, что «в семье не без урода», который в первую очередь норовит попасть в строку. С ходу и не объяснишь, почему «шестнадцатая» напросилась в самое начало жизнеописания дома.

Прокурор и его тёща

«Шестнадцатая» завершила список первой парадной. Никогда не встречал в домах «нумерацию с хвоста поезда», поэтому последняя квартира классически находится на последнем этаже, в нашем случае – четвёртом. Была она не категорически нехорошей, как у Булгакова в «Мастере и Маргарите». Воланд со своей свитой, насколько известно автору, в ней не останавливался. Однако на площадях, ограниченных стенами «шестнадцатой», случались пожары, потопа, разводы, самоубийства.

Лида Яркова из «третьей» квартиры не один раз говорила владельцам «шестнадцатой»: «Надо срочно освятить помещение». Однако никто к ней много лет не прислушивался.

Если не углубляться в историю «шестнадцатой», а начать с нулевых годов XXI века, стартовый год нулевых знаменателен для квартиры фактом – в ней поселился прокурор Городка. И не откуда-то с соседней улицы переехал, а из далёкого жаркого Ташкента. Как он, из другого государства прибывши, стал прокурором – история умалчивает. В те годы (как, собственно, и в текущие) немало чудес имело место в чиновничьей среде.

Прокурор имел отнюдь не прокурорскую внешность в её обычном понимании, когда весь он из себя неприступный, а на челе неизбывная печаль по поводу преступной сущности человеческой натуры. В нашем случае – молодой, видный и современный. Угадывалось во внешности наличие толики восточной крови по бабушкиной или дедушкиной линии. Чёрные густые волосы, чёрные глаза, смуглая кожа, гордая посадка головы, манеры интеллигентного человека.

Одевался стильно, чаще в фирменные джинсы и модные пиджаки, элегантные плащи и пальто. Жена, Светлана, под стать ему – яркая, сильная женщина. В отличие от мужа в ней время от времени проскальзывали нотки вульгарности. Выражалось это в громком смехе, резких окриках собаки: держали кавказскую овчарку – суку. Светлана тоже относилась к юридическому сословию, но в Городке, поддавшись всеобщей бизнес-лихорадке, занималась не юриспруденцией, а торговлей. Создала небольшое предприятие по продаже быстро портящейся продукции (овощей, фруктов), возможно, произрастали они в жарком Узбекистане.

Прожили супруги семейной жизнью в нехорошей квартире чуть более двух лет. Первым в подъезде о смерти прокурора узнал Славик-трубач, единственный житель дома, имеющий непосредственное отношение к культуре, – Славик играл в духовом оркестре, но не на трубе, которая дала приставку к его имени с лёгкой руки остролова, оставшегося неизвестным, а на тубе – самом низком по звучанию и большом по габаритам духовом инструменте.

Славик и сам не из маленьких. Этаким двухдверный шкаф. Причём не из ДСП на скорую руку с помощью степплера сделанный, а неподъёмный – из дуба или ясеня основательно построенный. Большому человеку большое плавание. Так ему и сказали в пионерском возрасте, когда пришёл записываться в музыкальную школу, он уже тогда отличался габаритами. Проверив слух, ему вручили тубу – самый тяжёлый духовой музыкальный инструмент. Про Славика ещё будет разговор, сейчас не о нём речь. В тот вечер к Славику пришла жена прокурора Светлана, не переступая порог огорошила:

– Послезавтра хороню мужа, ваш оркестр не занят?

– Не занят, – ответил Славик. – А что случилось?

Славику прокурор нравился: нос не задирает, первым здоровался, приветливо улыбался.

– А что случилось? – повторил вопрос Славик.

– В двенадцать похороны от подъезда, задаток нужен?

– Не надо никакого задатка, сыграем, – сказал Славик, – сейчас Данилычу, руководителю оркестра, позвоню. А что случилось?

– Значит, договорились, – в третий раз пропустила вопрос мимо ушей Светлана.

Оркестр, в котором играл Славик-трубач, тогда ещё был востребован в Городке, чаще по печальным поводам – похоронам. Славик имел обыкновение, подвыпив, заверять всех знакомых, чтобы не беспокоились, он обеспечит сопровождение их похорон профессиональной музыкой.

– У нас не пацаны сопледуй, – запальчиво утверждал, – мы играть, так играть!

В Городке долгие годы была традиция – обязательно, перед отправкой похоронной процессии на кладбище, устанавливать гроб на двух табуретках перед родным подъездом усопшего, дабы сделал он последний привал по дороге к месту погребения. Гроб стоял порядка получаса. Подходили знакомые, соседи, не обязательно молча стояли, кто-то говорил хорошие слова об усопшем, желал ему «землю пухом».

Тут же наливали по чуть-чуть водки «за помин души», но без закуски. Детям раздавали конфеты и пряники. Оркестр печальной музыкой начинал церемонию, затем делал паузу, давая возможность сказать прощальные слова. В зависимости от обстоятельств ещё два раза играл, прежде чем гроб брали на плечи и несли к катафалку. Исполнял оркестр траурную музыку и на кладбище. Там, поминая усопшего, выпивали с закуской – обязательно присутствовала кутя, бутерброды. Гроб выносили со двора на руках, при этом на дорогу бросали запашистые еловые ветви (вокруг Городка росли еловые леса). Катафалк ждал в отдалении. Под него в стародавние времена выделялась обычная бортовая машина – ГАЗ или ЗИЛ. Дно устилали ковром, борта опускали. Двигался гроб по Городку, как на лафете. Подобным образом хоронили в шестидесятые годы, позже – катафалками служили автобусы «ПАЗ».

Был ещё нюанс в нашей парадной: после отбытия похоронной процессии на кладбище кто-то из женщин мыл пол в квартире усопшего, лестничную площадку перед ней, а также все площадки, что были ниже, и лестницу до первого этажа.

Оркестр с участием Славика создавал соответствующую атмосферу скорбным минутам последнего пути почившего.

Крайне рано проследовал по нему прокурор из нехорошей квартиры.

– За него только дома можно молиться, – тихо говорила кому-то из соседей, стоя поодаль от гроба, Лида Яркова, – да ещё милостыню подавать. И голубей кормить. Зачем так-то было? Наделал делов. А молиться святому мученику Уару.

Прокурор пришёл утром в рабочий кабинет, достал пистолет и выстрелил в висок. Расследование ничего не дало. В доме поговаривали, что жена Светлана, раскручивая торговый бизнес, набрала кредитов, а кредиторы с бандитским уклоном, они-то и довели супруга-прокурора до точки-пули. Так ли это или вовсе не так, доподлинно никто сказать не мог.

Однако «шестнадцатая» не осиротела после трагической гибели хозяина. Как раз наоборот. К Светлане приехала куча родственников, в том числе две сестры. В сумме получилось три сестры под одной крышей. Были они далеки от чеховских героинь из пьесы с таким же количеством кровных родственников по женской линии. Сёстры являли собой персонажи другой комедии. Но им в нашем повествовании места на первом плане не нашлось, задвинула дочек в пыль кулис их мама, в недавнем прошлом тёща прокурора. Женщина неповторимая. Одно имя чего стоит – Ариадна Арнольдовна. Натура выдающаяся во всех отношениях. Энергии на пятерых, никак не меньше. Для размещения такого количества термояда требуется соответствующий объём, посему Ариадна Арнольдовна была дамой корпулентной, или, говоря по-русски, – широкофюзеляжной. И в высоту метр семьдесят пять не меньше. Узбекские дали с палящим солнцем не повлияли на её русскую красоту. Шапка вьющихся русых волос на величаво посаженной голове, широкоскулое лицо с выразительными глазами, грудной богатый обертонами голос. Полнота фигуры не мешала двигаться хозяйке легко и изящно. Эффектная, что там говорить, дама. Дочери получились помельче.

Внутренний облик Ариадны Арнольдовны тоже отличался динамичной монументальностью. Прилетев на похороны мужа старшей дочери с южных окраин бывшей Российской импе-

рии, она, попечалившись над гробом зятя-прокурора, предав его земле под траурные звуки тубы Славика, прочно обосновалась в «шестнадцатой» квартире.

Будучи по крови русской, поступила самым восточным образом, чуть пустила корешки на новом месте, тут же подтянула к себе кучу родственников. Приехали две сестры Светланы (не чеховские героини), причём одна с мужем и дочерью. Не поленимся и позагибаем, производя подсчёты, пальцы: Светлана с дочерью, плюс сестра с дочерью, плюс Ариадна Арнольдовна, плюс ещё одна её дочь. В сумме шесть женщин да ещё овчарка женского пола. Чтобы не тянуть кота за хвост, скажем сразу: с учётом нехорошести «шестнадцатой» второй зять Ариадны Арнольдовны был обречён. Что вскоре и случилось – погиб в автомобильной катастрофе. Славик снова старательно выдувал у подъезда траурный марш Шопена.

– О святить надо квартиру, – было первой реакцией Лиды Ярковой на известие о смерти второго зятя из «шестнадцатой». – Сколько им говорила...

Лида в Великий четверг ездила в Шлиссельбург (пока не было церкви в Городке) в храм на «двенадцать Евангелий», привозила со службы святой огонь (был у неё особый фонарь, куда вставляла долгоиграющую свечу), а ночью тайком крестила очищающим огнём входную дверь парадной, а потом входные двери всех квартир. Как партизан в тылу врага, бесшумной тенью двигалась по спящему подъезду от двери к двери. Однако нехорошесть «шестнадцатой» не удавалось перебороть.

– Не везёт мужикам из «шестнадцатой», – сказала Додониха – Додонова Дарья Степановна, жительница «двенадцатой» квартиры, расположенной как раз под «шестнадцатой». – За полгода двоих снесли на кладбище, – продолжила Додониха свою грустную мысль. – Говорят, Светкин отец в Ташкенте пока. Наверное, скоро приедет.

В своём предположении Додониха ошибалась. Муж Ариадны Арнольдовны обладал завидным чутьём. Мало того, и не подумал переезжать в Городок к своему многочисленному семейству, он ни разу в гости к ним не заявился. Не пожелал своими глазами увидеть, как его «женский железный батальон» (так окрестил жителей «шестнадцатой» Славик-трубач) проживает в северных широтах. Не возжаждал обнять дочечек, что кровь от крови, и внучечек любимых не захотел лично подарками обрадовать. Отсидивался в своём Ташкенте, как в крепости, глаз на берега Невы не казал. Всем нутром чувствовал роковую сущность «шестнадцатой».

Женщины, надо заметить, не больно сокрушались от мужских потерь и отсутствия крепкого плеча. Жили деловой и слаженной жизнью, хотя никто не работал. Однако день у них начинался крайне рано. Возможно, перебравшись из жаркого Узбекистана в северо-западные дали на добрых четыре тысячи километров, продолжали по привычке жить по узбекскому расписанию. Шумно поднимались ни свет ни заря.

Много раз случалось, что спящий двор оглашался криком: «Света-а-а-а-а! Кинь браслет!» Или: «Ксеня-я-я-я-я-я! Положи мой паспорт в пакет и брось!» Это значит, одна из женщин, спустившись на первый этаж, вдруг вспоминала об оставленных дома вещах, или документах, или ключах, подниматься на четвёртый, бить ноги с утра не возникало никакого желания, поэтому забывчивая вставала напротив окон «шестнадцатой» и включала громкую связь. Происходило это с завидной постоянностью. Женщины были настолько скоростные и моторные, что ухитрялись обгонять мысли, они частенько с запозданием достигали их светлые головы.

Никто из женщин никогда не задумывался, что ранние вопли на всю округу могли причинять неудобства спящим соседям. Подобным мелочам не придавали значения. Мыслили исключительно масштабно.

Сёстры с мамой прожили в нашем доме менее трёх лет. Ариадна Арнольдовна минуты не думала навсегда осесть в «шестнадцатой». Не по причине ощущения нехорошести квартиры, нет – теснота хрущёвки был не её уровень.

При этом не тешила себя надеждами: многочисленные дочери, пусть даже красавицы, найдут принцев или олигархов и упорхнут из Городка, прихватив с собой во дворцы с видом на море дорогую маму. Она давно привыкла надеяться, прежде всего, на себя. Со свойственной ей вулканической энергией и неординарностью бесстрашно принялась заниматься жилищным вопросом для всего женского коллектива «шестнадцатой».

Есть под Петербургом место с экзотичным названием, от которого веет волнующим ароматом древней истории, – Пелла. Аналогичное имя носила столица древней Македонии, в которой родился покоритель мира Александр Македонский. Пеллу на берегах Невы затеяла в XVIII веке Екатерина II с дальним прицелом. Во внуке Александре (будущем императоре Александре I) хотела видеть государя аналогично победного крою, как Александр Македонский. Возможно, императрица полагала, северная Пелла мистическим образом повлияет на судьбу любимого внука – он станет не менее велик, чем тёзка Македонский.

В красивейшем месте, где Нева на своём пути из Ладоги в Финский залив делает крутой поворот и преодолевает пороги, Екатерина II принялась энергично возводить величественный дворец, о котором говорила: все остальные будут хижинами по сравнению с ним. Царица начала с размахом строить загородную резиденцию, да не довела дело до победного конца.

Знала ли о планах Екатерины Великой Ариадна Арнольдовна, автору неизвестно, однако она выбрала Пеллу под коттедж, решив, где, как ни здесь, возводить дом. Пусть не столь грандиозный, как екатерининский, зато, в отличие от императрицы, свой непременно сдаст под ключ. Известно, что Екатерина II приостановила бурное строительство с началом Русско-турецкой войны. Сначала возникли финансовые затруднения, а потом ещё более радикальные – умерла императрица.

После смерти матушки Павел I не подхватил эстафету Пеллы, проект не вдохновил его, более того, приказал разобрать построенные здания и пустить высвободившийся строительный материал под строительство Михайловского замка.

У Ариадны Арнольдовны финансовых проблем не наблюдалось. Тоже парадокс, никто из не чеховских трёх сестёр не работал. Бизнес по торговле ташкентскими товарами после смерти прокурора Светлана свернула. «Откуда деньги, Зин?» выяснила Додониха. Субсидировал «женский железный батальон» загадочный глава семейства, безвылазно проживающий в далёком Ташкенте. Причём, как опять же установила Додониха, давал только наличкой. За ней время от времени, примерно раз в два-три месяца, совершала авиавояжи Ариадна Арнольдовна. На ташкентские транши члены «женского батальона» безбедно жили, растили и учили двоих детей, а Ариадна Арнольдовна ударными темпами строила коттедж. «Большущий, – рассказывала Додониха, она видела фотосессию строящегося объекта, – из кирпича, а какая терраса, хоть в догоняшки по ней бегай».

Светлана через какое-то время возобновила занятия бизнесом, но не куплей-продажей, открыла юридическую фирму в Петербурге. Надо понимать, стартовые деньги тоже имели ташкентские корни. Каждое утро за Светланой заезжала красивая машина, а вечером она же привозила бывшую прокуроршу обратно. Додониха разузнала, что автомобиль принадлежит Светлане, водителя наняла. Сама не водила. Невозможно поверить в то, что такая женщина, опасаясь руля, побоялась пойти на курсы вождения. Скорее всего, не могла выкроить время в своём напряжённом графике, чтобы получить права и научиться самолично водить авто. Оно и понятно, жизнь развивалась стремительно и непредсказуемо, только успевай поворачиваться.

Можно предположить, что русская кровь, которая считается медленной, под узбекским солнцем обретает завидный скоростной потенциал. В нужный момент он начинает, действовать и тогда не удержать. Судите сами: жила не тужила Светлана под крылом у прокурора. Упакована полностью – авто у мужа личное, авто служебное, зарплата достойная. Вдруг всё разом рушится: ни крыла, ни прокурора, ни мужа. Для Светланы это не стало вселенской катастрофой.

В иные дни она не ездила в офис своей фирмы, но выскакивала из подъезда к машине, чтобы передать водителю бумаги. Выскакивала в длинном – в пол – бархатном бордовом халате, с небрежно заколотыми на затылке волосами. Эту картину надо было видеть. Шикарная женщина, в самой силе, идеальных объёмов (когда всё есть и всё на месте), в шикарном халате, не в элегантном платье или стильном костюме, именно – халате, придающем неповторимый, со штрихами интима шарм, на какую-то минутку быстрым шагом (это могло быть промозглой осенью, снежной зимой, ветреной весной) выходит из парадной, ударяя полными коленками по полам халата, и отдаёт водителю папку с бумагами. А затем, оставляя после себя шлейф восхитительных запахов, скрывается в подъезде.

Коттедж в Пелле был обречён на победные сроки возведения. Уникальная Ариадна Арнольдовна ждать не могла, не хотела и не умела. Она не чикалась со строителями, пару раз меняла бригады каменщиков. С отделочниками поступила мудрее, их по её требованию прислал таинственный муж из Ташкента. Надо думать, он откупался от супруги всеми способами, только бы не оказаться с «женским железным батальоном» на одном жизненном пространстве. Смерть зятьёв красноречиво свидетельствовала, что женских сил столько собралось в объединённом «железном батальоне», что его присутствие среди них обязательно закончилось бы для него роковым образом. Не желал стать заработком для траурно-шопеновского оркестра Славика-трубача.

Не прошло и года с начала работ на нулевом цикле, как коттедж уже смотрел новенькими окнами в сторону Невы, а весело-голубой металлочерепицей крыши – в небо Пеллы.

Наша парадная навсегда запомнила переезд обитателей «шестнадцатой». Такого ещё не было в истории дома. На грузчиках Ариадна Арнольдовна решила сэкономить. В одно раннее августовское утро, часиков этак в пять, когда самый сон, дом проснулся от невероятного грохота. Как рассказывала жительница восьмой квартиры Галя Сокол (ей и её мужу Васе обязательно посвятим целую главу), подумала – землетрясение.

– Подумала землетрясение! – рассказывала соседкам. – Сердце заколотилась об рёбра – вот-вот выскочит. Для начала сама выскочила на балкон – оглядеться. Вижу, слева от нашего балкона на поломанных кустах сирени и смятых в пыль цветах лежат створки шкафа – полноценного шкафа. А с балкона «шестнадцатой» квартиры на это форменное безобразие смотрит Ариадна Арнольдовна. То есть она бросила дверцу и целится боковую стенку пустить следом, не успела я ей ничего сказать, как из подъезда выскочила Дуся Саморезова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.